

3/21
ПРЕПРИНТЫ

АГРАРНАЯ ЭКОНОМИКА
ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
AGRARIAN ECONOMY
FOOD SECURITY

А. М. Никулин

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПОСТСОВЕТСКОГО СЕЛА:
СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА
ФАКТОРОВ СЕЛЬСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ**

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
(РАНХиГС)

УДК 332.1
Рег. № НИОКТР
Рег. № ИКРБС

УТВЕРЖДАЮ
Ректор РАНХиГС
д-р экон. наук, проф.

_____ В.А. Май
« ____ » _____ 2021 г.

ПРЕПРИНТ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПОСТСОВЕТСКОГО СЕЛА:
СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ФАКТОРОВ СЕЛЬСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Научно-исследовательская работа выполнена в соответствии с государственным заданием
РАНХиГС на 2021 год по научному направлению « _____ »

Руководитель НИР,
Директор Научно-исследова-
тельского центра аграрных ис-
следований ИПЭИ,
к-т. экон. наук

_____ А.М. Никулин

Социально-экономическая дифференциация села – классическая проблематика аграрной социологии, однако в постсоветский период она привлекала внимание не только сельских социологов, но также аграрных экономистов и географов. Объект исследования имеет двойственный характер: с одной стороны, это ряд сельских регионов, где рассмотрены процессы социально-экономической дифференциации, с другой - это сельские сообщества и сельские домохозяйства, в разной степени подверженные данным процессам. Цель исследования – определить основные виды и охарактеризовать динамику социально-экономической дифференциации социальных групп российского села. Для достижения этой цели рассмотрены процессы социальной трансформации основных сельских страт в постсоветский период, охарактеризованы сопоставимые процессы социально-экономической дифференциации села в ряде стран зарубежья и отмечены гендерные и поколенческие особенности разных форм сельской дифференциации.

The social and economic differentiation in the countryside is a classic issue of agrarian sociology; however, in the post-Soviet period it was considered not only by rural sociologists, but also by agrarian economists and geographers. The object of the research is dual in nature: on the one hand, it is a number of rural regions in which the processes of social and economic differentiation were studied; on the other hand, it is a number of rural communities and rural households which undergo such processes in varying degrees. The study aims at identification of the main types of social-economic differentiation in the countryside and at describing its dynamics in different social groups of the Russian countryside. To achieve this goal, the authors consider social transformation processes in the main rural strata of the post-Soviet period, compare processes of social and economic differentiation in rural areas in various countries, and take into account gender and generational characteristics of different forms of rural differentiation.

Содержание

Введение	4
1. Специфика советской и постсоветской социально-экономической дифференциации села.....	5
2. Оценка форм и видов социально-экономической дифференциации сельских сообществ на примере отобранных регионов-кейсов	18
Заключение.....	33
Список использованных источников.....	35

Введение

Исследование социально-экономической дифференциации российского села за период постсоветских социально-экономических трансформаций чрезвычайно актуально для проведения успешной политики устойчивого сельского развития. За последние тридцать лет в сельской России наметилась тенденция значительной социально-экономической дифференциации сельских домохозяйств, аграрных предприятий и регионов, что является одним из серьезнейших препятствий для устойчивого сельского развития страны, поэтому исследование важно для совершенствования мер государственной политики в области повышения занятости сельского населения и роста его благосостояния, выравнивания темпов аграрного развития регионов, сохранения и развития социального капитала и социальной инфраструктуры села.

Цель исследования – обозначить ключевые виды социально-экономической дифференциации российского села и наметившиеся тенденции ее изменений. Для этого описаны процессы социальной трансформации основных сельских страт в постсоветский период, в том числе, в сопоставительном контексте других стран, и охарактеризованы основные виды социально-экономической дифференциации в сельских сообществах с учетом их поколенческих и гендерных особенностей.

Методология исследования объединяет количественный (статистические данные, вторичный анализ) и качественный подходы (прежде всего, экспертные полуструктурированные интервью), что позволяет охарактеризовать процессы социально-экономической дифференциации как с точки зрения их масштабов, так и специфики протекания на региональном и локальном уровнях.

1. Специфика советской и постсоветской социально-экономической дифференциации села

Существенным фактором позднесоветской и постсоветской трансформации села стало перераспределение земли и основных фондов между производителями продукции сельского хозяйства разных организационно-производственных форм. Анализ хозяйств различных типов несколько лет вели ученые Всероссийского института аграрных проблем и информатики им. А.А. Никонова, которые поставили под сомнение правомерность анализа аграрной структуры российского села на основе правовой формы регистрации сельскохозяйственных товаропроизводителей, поскольку фактические масштабы производства и экономический потенциал конкретного предприятия мог не соответствовать форме регистрации. Это касалось и сельскохозяйственных предприятий, объем производства которых мог быть совсем незначительным, и фермеров, которые были сильно поляризованы по масштабам производства, и личных подсобных хозяйств, часть из которых вела производство в объемах, сопоставимых с фермерскими хозяйствами.

Поскольку специалисты ВИАПИ им. А.А. Никонова участвовали в разработке методологии сельскохозяйственной переписи 2006 года, они первыми получили доступ к ее данным. Первая значимая работа из серии публикаций на эту тему была посвящена анализу экономической структуры производителей сельскохозяйственной продукции на основе данных переписи [1]. В отечественной статистике и при проведении переписи производители продукции сельского хозяйства дифференцируются в зависимости от организационно-правовой формы: выделяют сельскохозяйственные организации, крестьянские-фермерские хозяйства и хозяйства населения (личные подсобные хозяйства граждан). При проведении сельскохозяйственной переписи к этим трем категориям были добавлены некоммерческие объединения граждан, занимающиеся садоводством, огородничеством или ведущие дачное хозяйство, поскольку большинство из них располагается на землях сельскохозяйственного назначения, и изначально такие некоммерческие объединения создавались как подсобные хозяйства горожан для самообеспечения продовольствием. По размерам сельскохозяйственные организации делятся на крупные, средние и малые, крестьянские хозяйства могут быть также разделены по размерам. Что же касается личных подсобных хозяйств граждан, то большинство исследователей проводит дифференциацию этой формы хозяйствования по степени товарности – обычно выделяют хозяйства потребительского типа, хозяйства, реализующие часть продукции, и хозяйства товарного типа, которые, по сути, не отличаются от крестьянских фермерских хозяйств [см., напр.: 2].

В других работах исследователей начала 2000-х годов можно найти расширенные варианты дифференциации личных подсобных хозяйств граждан. Так, В.В. Печенкина выделила четыре типа хозяйств: потребительские хозяйства, производящие продукты исключительно для собственных нужд, хозяйства расширенного потребительского типа, производящие продукты как для своих нужд, так и для родственников, проживающих в городах, мелкотоварные хозяйства, продающие излишки сельскохозяйственной продукции для повышения денежной составляющей своего бюджета, и товарные личные подсобные хозяйства граждан, ориентированные на продажу своей продукции [3]. Такой подход отражает внутрисемейные родственные связи жителей села и горожан, и наиболее частой иллюстрацией такого типа семейных связей выступает поддержка родителями, проживающими в сельской местности, детей, учащихся или работающих в городе.

В литературе представлены и иные подходы к типологизации личных подсобных хозяйств [см., напр.: 4]. Во-первых, предлагается различать личные подсобные хозяйства как хозяйства потребительского типа и крестьянские семейные хозяйства, в совокупных доходах которых доля доходов от продажи своей продукции составляет более половины. Во-вторых, разработана сводная классификация личных подсобных хозяйств на основе шести признаков – целевое назначение выделенного земельного участка, цель ведения хозяйства, источники дохода семьи, соотношение доходов семьи из разных источников, правовой статус хозяйства и форма занятости трудоспособных членов семьи, взаимоотношения с другими организациями. В-третьих, возможна дифференциация хозяйств по социальному статусу главы домохозяйства: работники сельскохозяйственных, несельскохозяйственных организаций и пенсионеры, инвалиды, потерявшие связь с предприятием. Последняя типология отражает незавершенность на тот момент земельной реформой, в ходе которой нередко сохранялись тесные связи бывших работников с сельскохозяйственным предприятием.

Для определения экономических классов сельскохозяйственных товаропроизводителей многие российские исследователи используют показатель стандартизированной выручки от реализации продукции сельского хозяйства [см., напр.: 1]. Поскольку перепись предоставила данные о производственном потенциале хозяйств, он был оценен на основе имеющихся данных по сельскохозяйственным организациям с соответствующими корректировками для менее товарных хозяйств потребительского типа. Для анализа была разработана специальная методика, основанная на расчетной оценке выручки – так определялись «экономические классы» переписанных хозяйств. В соответствии с методикой все хозяйства (36,9 млн единиц наблюдения) были проранжированы по размерам расчетной стандар-

тизированной выручки и разделены на 18 групп. На основе анализа показателей хозяйств, входящих в эти группы, исследователи выделили четыре экономических класса сельскохозяйственных товаропроизводителей: 1) производящие товарную продукцию, 2) производящие продукцию для собственного потребления, 3) используемые как место отдыха или проживания, 4) брошенные. Однако принятая в отечественной статистике модель дифференциации хозяйств по статусу их регистрации не отражает их экономической сущности, поскольку 21,7% сельскохозяйственных организаций и 62,3% крестьянских фермерских хозяйств не являются товарными, тогда как 16,7% личных подсобных хозяйств отвечают критерию товарности и могли быть отнесены к крестьянским фермерским хозяйствам.

В последующие годы был проведен анализ географического распределения разных типов аграрной структуры с учетом ранее разработанной экономической классификации хозяйств по стандартизированной выручке. Были выделены следующие типы районов: 1) районы товарного производства сельскохозяйственной продукции трех типов – семейного товарного хозяйства, капиталистического и крупного капиталистического (критерием отнесения района к тому или иному типу стала преобладающая доля хозяйств в районе – более 50% от общего числа хозяйств); 2) районы нетоварного хозяйства – более 50% составляли хозяйства потребительского типа, рекреационного типа или предназначенные для проживания; 3) районы смешанной аграрной структуры трех подтипов – соответственно, с преобладанием семейных, капиталистических или крупных капиталистических хозяйств; 4) районы сельскохозяйственного запустения двух подтипов – те, где встречаются семейные хозяйства, и те, где имеются капиталистические хозяйства, но в каждом случае доля товаропроизводящих хозяйств менее половины [5]. Из общего числа районов (2000) в 41% преобладающей формой хозяйствования стало капиталистическое или крупное капиталистическое хозяйство, в том числе в районах смешанных форм хозяйствования, в 35% районов преобладают семейные хозяйства, в 24% районов сельское хозяйство находится в состоянии запустения, носит нетоварный характер.

Дальнейшие исследования сосредоточились на сравнительном анализе динамики разных типов хозяйств по данным сельскохозяйственных переписей 2006 и 2016 годов [см., напр.: 6]: сравнение показателей разных типов хозяйств показало, что эти типы стали более выраженными, и доля переходных форм в каждом типе (будь то сельскохозяйственные организации или личные подсобные хозяйства) уменьшилась. Сельскохозяйственная перепись 2016 года показала, что российское сельское хозяйство значительно поляризовалось за годы аграрных реформ: на одном полюсе находятся 25,3 млн (или 89%) сельскохозяйственных товаропроизводителей (из общего числа охваченных переписью 28,5 млн), на

долю которых приходится всего 5% товарной сельскохозяйственной продукции; на другом полюсе находятся капиталистические хозяйства, которые обрабатывают 92,2% сельскохозяйственных угодий и получают 94,7% всех стандартизированных доходов. Неожиданно высокой оказалась доля личных подсобных хозяйств и семейных ферм, общая стандартизированная выручка которых составила 33,5%, что позволяет сделать вывод о высокой степени коммерциализации обеих форм хозяйствования. Однако количество товарных личных подсобных хозяйств невелико – 3 млн из 23,1 млн, или всего 13,2% всех личных подсобных хозяйств.

Данные сельскохозяйственной переписи 2016 года подтвердили усиление дифференциации и неоднородности групп сельскохозяйственных товаропроизводителей, определенных по организационно-правовому типу: сельскохозяйственные предприятия и крестьянские хозяйства производят основную часть товарной сельскохозяйственной продукции, в то время как товарная продукция приусадебных участков производится небольшой долей этой огромной категории хозяйств. Очевидно, что классификация сельскохозяйственных товаропроизводителей по организационно-правовой форме устарела: некоторые крестьянские хозяйства приносят больше дохода, чем сельскохозяйственные предприятия, а некоторые приусадебные участки сопоставимы или превосходят крестьянские хозяйства по объему производства.

Структура российского сельского хозяйства заметно изменилась за период 2006–2016 годов, когда крупное сельскохозяйственное производство, включая новые агрохолдинги, фактически восстановило свои позиции, утраченные после 1990 года. Безусловно, снижение экономической роли мелких сельскохозяйственных товаропроизводителей представляет собой опасность для национальной продовольственной безопасности и развития/сохранения сельских территорий, тогда как неконтролируемый рост сверхкрупных предприятий искажает лоббистские усилия, сельскохозяйственную политику и оттягивает на себя бюджетную поддержку. Чтобы обеспечить равные условия для всех сельскохозяйственных производителей, правительству следует стремиться, с одной стороны, обеспечить более равномерное распределение сельскохозяйственной (прежде всего, финансовой) поддержки, а, с другой стороны, всеми возможными средствами содействовать развитию альтернативных форм занятости в сельских районах и комплексному развитию сельских территорий.

Рассмотрим подходы к типологизации сельских районов с учетом миграционной и этнической составляющей на конкретном кейсе – Крымском полуострове.

Невозможность выработки унифицированной траектории развития российской сельской местности и необходимость создания путевых карт для конкретных сельских поселений заставили научное сообщество разработать несколько типологий сельских территорий – по экономическим, социальным и иным критериям. В советский период больше внимания уделялось экономическим связям сельских территорий [см., напр.: 7], в постсоветский период были разработаны разные типологии для повышения экономической эффективности села и снижения депопуляционных тенденций [см., напр.: 8], например, типологии на основе функций сельских поселений и их способности притягивать население из поселений более низкого ранга [см., напр.: 9], типологии, воспроизводящие особенности современной сельской поселенческой сети [см., напр.: 10]. Более близка крымской специфике типология сельских муниципальных районов Ставропольского края, разработанная Т.Г. Нефедовой на основе трех факторов, определяющих территориальную дифференциацию (природные, пригородно-периферийные и национальные различия) [11, с. 23–26], однако это слишком общий вариант типологии, поэтому для классификации сельских населенных пунктов необходим более детальный анализ.

Можно использовать несколько параметров для типологизации сельских населенных пунктов, прежде всего, людность. Согласно Своду правил 42.13330.2016 «Градостроительство», действующему на территории России, сельские поселения по людности делятся на несколько типов: мельчайшие (до 50 человек), малые (50–200), средние (200–1000), большие (1–3 тысячи), крупные (3–5 тысяч), крупнейшие (свыше 5 тысяч), хотя данную классификацию не воспринимают всерьез из-за неоднородности регионов. Росстат при формировании статистической отчетности выделяет более дробные типы поселений, насчитав по результатам переписи 2014 года в Крымском федеральном округе на территории полуострова 1042 сельских населенных пунктов разных типов (таблица 1).

Таблица 1

Группировка сельских населенных пунктов по численности населения на Крымском полуострове по результатам переписи 2001 и 2014 годов

Перепись населения	Всего	в том числе							
		без населения	с числом жителей, человек						
			менее 50	51–200	201–500	501–1000	1001–2000	2001–3000	более 3000
2001	1051	7	65	185	263	200	206	60	65
2014	1042	11	76	212	251	211	169	55	57

Другой вариант типологии сельских населенных пунктов основан на понятии «центральности» (потенциальные возможности притяжения окрестного населения) и исходит из анализа функций поселений как локальных центров низших рангов. Было выделено пять классов центров расселения, обладающих разными наборами административных и обслуживающих функций (наличие социальной инфраструктуры и набора услуг, которые население может получить) [9]. В типологии учитываются не все типы поселений (например, населенные пункты без населения и урочища), и к одному классу могут быть отнесены населенные пункты с разной историей и перспективами развития (таблица 2).

Таблица 2

Типология центров расселения Крымского полуострова по методике А.А. Ткаченко

Класс	Уровень центральности	Число пунктов	Суммарная численность, тыс. чел.	Доля в общей численности сельского населения, %	Средняя плотность, чел.
1	Высший	145	355,2	38,3	2450
2	Выше среднего	113	185,8	20	1644
3	Средний	48	57,8	6,2	1204
4	Ниже среднего	165	86,2	9,3	523
5	Низший	217	72,8	7,8	335
Всего		688	757,8	81,6	1101

Необходима интегральная типология, которая способна учесть как количественные, так и качественные параметры сельских населенных пунктов (состояние сельской местности и региональная специфика). Наиболее подходящая – типология [10], учитывающая современное состояние сети сельских населенных пунктов, их численность и подвижности сельских жителей (рис. 1), хотя она игнорирует центральные функции поселений и поселения, лишенные статуса населенного пункта и именуемые урочищами¹. После 1991 года в сельской местности Крымского полуострова не произошел столь радикальный отказ от сельскохозяйственной деятельности, как в неплодородных районах России, поэтому на межселенных территориях функционирует множество населенных пунктов без постоянного населения и жилых построек (овчарни, молочно-товарные фермы, тепличные комплексы и пр.). В интегральной типологии необходимо учитывать и этот факт, поскольку сельскохозяйственное производство все больше дистанцируется от сельских жителей и их селитебной зоны.

¹ Например, в урочище на месте бывшего села Лермонтовка Белогорского района продолжают жить люди.

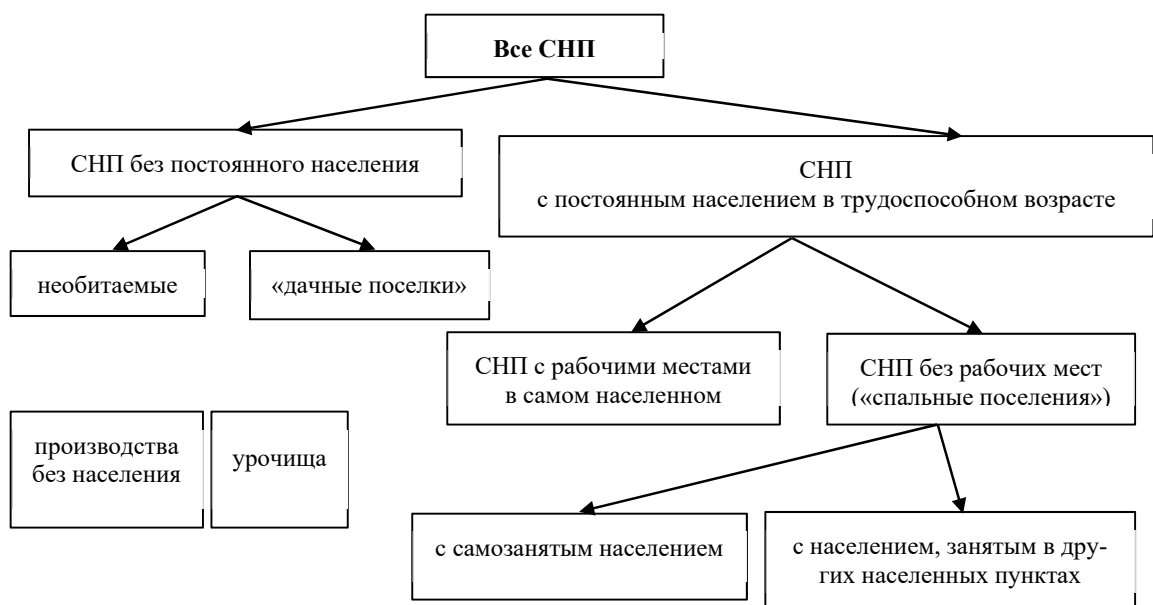

Рис. 1. Типология сельских населенных пунктов по Алексееву–Сафронову [48]

Проанализировав миграционную активность муниципальных образований за 2015–2019 годы и наложив ее на этническую структуру, были выделены следующие типы сельских поселений: моноэтничные, с доминированием жителей одного этноса, смешанные² – с равными долями русских, украинцев и крымских татар, со значительной долей украинцев и со значительной долей крымских татар (таблица 3).

Таблица 3
Типология сельских поселений по этническому составу и характеру миграционной активности некоторых районов Крымского полуострова

Типы	Количество	Численность населения, чел. (2014)	Сальдо миграции, чел. (2015–2019)	Соотношение сальдо миграции и численности населения, %
Моноэтничные	22	65 872	–175	–0,3
Смешанные (со значительной долей украинцев (I) или крымских татар (II))	13	41 971	–976	–2,3
Смешанные (с равными долями русских, украинцев, крымских татар)	17	12 111	–506	–4,2

² Русский этнос вынесен за скобки, поскольку его доля значительна практически во всех поселениях.

Кроме статистических показателей, для характеристики типов использовались результаты полевых исследований в Красноперекопском, Первомайском и Черноморском районах, что позволило охарактеризовать обозначенные в таблице типы поселений. К первому типу относятся села с доминированием одного из трех ключевых для региона этносов – русских (19 поселений), украинцев (2 поселения) или крымских татар (1 поселение). Для этого типа характерна миграционная стабильность доминирующего этноса и медленный отток представителей других этносов (часто это отток русского населения из украинских и крымскотатарских сел). Ко второму типу относятся поселения с равными долями русских, украинцев и крымских татар (примерно по трети). Этим поселениям присуща этнически неоднородная миграционная активность: наблюдается миграционный отток русских и украинцев при сохранении численности крымских татар.

Для поселений третьего (I) типа характерна значительная доля представителей украинского этноса. Такие поселения встречаются в северной части полуострова, в соседних с Херсонской областью муниципалитетах, и характеризуются этнически неоднородной подвижностью населения. Украинцы сохраняют численную и миграционную стабильность, русские медленно мигрируют в более крупные населенные пункты (поселки городского типа, города), а крымские татары, наоборот, увеличивают численность за счет естественного и механического движения. К третьему (II) типу относятся наименее представленные поселения со смешанным населением и значительной долей крымских татар – из них наблюдается миграционный отток украинцев и русских при медленном росте доминирования крымских татар.

Безусловно, предложенные варианты типологии не окончательны и могут использоваться при разработке интегральной типологии сельских населенных пунктов Крыма, необходимой для планирования социально-экономического развития сельских территорий региона. Однако любые региональные типологии сельских населенных пунктов должны учитывать общероссийский контекст – основополагающие характеристики сельскохозяйственного производства, в частности, его неустойчивость.

Дифференциация российского села в постперестроечный период – постоянный предмет исследований российских ученых. Так, в процессе подготовки концепции и стратегии устойчивого развития сельских территорий России проводились комплексные сравнительные исследования, показавшие, что на социально-экономические параметры дифференциации в наибольшей степени влияют климатические и географические условия, демографические характеристики, уровень развития социальной инфраструктуры, расстояние от важнейших городских центров и транспортная доступность территории.

Анализ вышеуказанных факторов позволил определить типы сельских регионов первого и второго порядка (подтипы) [см., напр.: 12; 13]. Первый тип – аграрные регионы, расположенные в климатических зонах, благоприятных для сельского хозяйства. Эти регионы разделены на четыре группы:

- 1) Восемь регионов с интенсивным сельским хозяйством, расположенные на юге страны и в Черноземье, где традиционно сложилось расселение в виде станиц и крупных сел. Это ведущие агропроизводители: Белгородская, Воронежская, Курская, Тамбовская, Липецкая, Ростовская области, Краснодарский край и Ставропольский край,
- 2) Двенадцать регионов с более экстенсивным сельским хозяйством, расположенные в южном поясе от Поволжья до Сибири, включая Южный Урал. Плотность населения здесь ниже, специализация хозяйств в большей степени зерновая, что повышает зависимость урожая от погодных условий: Алтайский край, Астраханская, Волгоградская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Ульяновская, Оренбургская, Курганская, Челябинская, Новосибирская, Омская области,
- 3) Шесть национальных республик, расположенные в Поволжье и вблизи Урала, где интенсивное сельское хозяйство сочетается с широкой поддержкой личных подсобных хозяйств, что определяет профиль сельских поселений: Республики Татарстан, Башкортостан, Мордовия, Чувашия, Марий-Эл, Удмуртия,
- 4) Тринадцать регионов Северного Кавказа и Юга Сибири, характеризующиеся традиционным экстенсивным сельским хозяйством и в большинстве своем более высокой плотностью населения: Республики Адыгея, Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия, Северная Осетия-Алания, Чечня, Калмыкия, Ингушетия, Алтай, Бурятия, Тыва, Хакасия и Забайкальский край.

Второй тип формируют два региона, окружающие крупнейшие мегаполисы страны – Московская и Ленинградская области: здесь высокоинтенсивное сельское хозяйство сочетается со значительными изменениями в составе и занятости сельского населения, ориентированного преимущественно на занятость городского типа.

Третий тип – регионы, где климатические и социальные условия не благоприятствуют сельскому хозяйству, поэтому наблюдаются негативные демографические и социальные процессы. В этой группе выделены три подгруппы:

- 1) Регионы Нечерноземья, переживающие наиболее негативные демографические процессы: Ивановская, Костромская, Кировская, Тверская, Смоленская, Ярославская, Вологодская, Новгородская, Псковская области,

- 2) Регионы европейской части России с менее негативными тенденциями, но также с сокращающимся сельским хозяйством: Калининградская, Калужская, Брянская, Орловская, Тульская, Рязанская, Нижегородская, Владимирская области,
- 3) Регионы восточной части России с менее благоприятными социальными и природными условиями для сельского хозяйства: Свердловская, Тюменская, Томская, Кемеровская, Амурская области, Еврейский автономный округ, Красноярский, Приморский и Пермский край.

Четвертый тип – это регионы, сельские территории которых освоены в малой степени и отдельными очагами. Здесь выделены две подгруппы:

- 1) Регионы с преимущественно лесным хозяйством и небольшим по объемам пригородным сельским хозяйством: Республики Карелия и Коми, Архангельская область, Ханты-Мансийский автономный округ, Иркутская область, Хабаровский край, Сахалинская область,
- 2) Территории Крайнего Севера, заселенные коренными народами, ведущими кочевое традиционное животноводство, преимущественно оленеводство, а также занимающиеся рыболовством и охотой: Ненецкий автономный округ, Мурманская область, Ямало-Ненецкий автономный округ, Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Магаданская область, Чукотский автономный округ.

Основной вывод состоит в том, что социально-экономическая дифференциация сельской местности значительно шире выявленных типов и подтипов сельских территорий, а различия внутри данных групп и внутри регионов, входящих в ту или иную группу, могут быть также весьма значительным, поскольку отражают поляризацию по оси «центр–периферия». Этот вывод подтверждают исследованиями социально-экономических последствий дифференциации российского села, которые были проведены учеными Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН под руководством З.И. Калугиной [см., напр.: 14; 15]. Кластерный анализ результатов статистических обследований сельских районов позволил выделить шесть групп регионов:

- 1) Краснодарский край – лидер по производству продукции сельского хозяйства,
- 2) Десять регионов – ведущих производителей продукции сельского хозяйства Центрально-Черноземного района, Поволжья и Юга России: Белгородская, Воронежская, Тамбовская, Ростовская, Курская области, Ставропольский край, Республики Башкирия и Татарстан, а также регионы вблизи крупнейших потребителей продук-

тов – главных мегаполисов страны Москвы и Санкт-Петербурга – Московская и Ленинградская области, характеризующиеся высокоинтенсивным пригородным сельским хозяйством,

- 3) Тридцать регионов – основных производителей продукции сельского хозяйства, профиль которых определяет промышленность, но производство сельскохозяйственной продукции в некоторых отраслях также высоко развито. В Европейской части России это Брянская, Владимирская, Кировская, Калининградская, Липецкая, Нижегородская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Саратовская, Самарская, Тульская и Ульяновская области, Республики Марий-Эл, Адыгея, Мордовия, Удмуртия и Чувашия, в зауральской части России – Амурская, Иркутская, Новосибирская, Оренбургская, Омская, Тюменская области, Алтайский, Красноярский и Пермский край,
- 4) Семнадцать регионов Северо-Запада, Нечерноземья, Сибири и Дальнего Востока – с менее благоприятными природными условиями для ведения сельского хозяйства, однако отдельные отрасли в них развиваются, в том числе благодаря близости рынков сбыта. В Европейской части России это Архангельская, Вологодская, Ивановская, Калужская, Костромская, Мурманская, Новгородская, Псковская, Смоленская, Тверская, Ярославская области, Республики Карелия и Коми, в восточной части России – Кемеровская, Сахалинская, Томская области и Чукотка,
- 5) Пятнадцать регионов на окраинах страны, характеризующиеся ограниченными земельными угодьями. В Европейской части России это южные и кавказские республики – Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия, Калмыкия, Ингушетия и Северная Осетия–Алания, за Уралом – Приморский и Хабаровский край, Камчатка, Курганская область, Еврейская автономная область, Забайкальский край, Республики Алтай, Бурятия, Тыва и Хакассия,
- 6) Пять регионов с преобладанием личных подсобных хозяйств, расположенные на Юге и в Сибири – Астраханская область, Чеченская Республика и Дагестан, Магаданская область и Якутия.

Разделение крупнейших сельскохозяйственных товаропроизводителей на две группы регионов (Краснодарский край – как отдельная группа) обусловлено тем, что инвестиции в сельское хозяйство Краснодарского края в два раза превышают вложения в регионы второй группы, поэтому по доле продукции в общем объеме продукции сельского хозяйства по отраслям Краснодарский край превышает все остальные регионы: по доле продукции растениеводства – в три раза, по доле продукции животноводства – в два раза. Что

касается уровня заработной платы работников сельского хозяйства, то она почти не отличается от регионов второй группы – в Краснодарском крае выше всего на 3%.

Сопоставление двух представленных типологий сельских регионов показывает, что их социально-экономическая дифференциация весьма значительна, но типы, группы или кластеры, в которые могут быть объединены регионы, зависят от того, какие показатели при построении типологии расценены как наиболее значимые. Так, если в первом случае в основу типологии положено сопоставление показателей, характеризующих природный и социальный капитал в контексте уровня развития сельского хозяйства, то во втором случае больший вес имеют показатели развития аграрно-промышленного комплекса и уровень инвестиций в сельское хозяйство.

Исследования в этом направлении продолжаются, например, в 2019 году была предложена типология сельских районов, построенная по итогам мониторинга сельских территорий [16]: регионы были разделены на две большие группы – «модернистские» и «традиционалистские». Внутри первой группы были выделены «экономические лидеры», «депрессивные территории» и «регионы с элементами традиционного уклада», а внутри второй группы – исламские республики Северного Кавказа, включая «ядро», и так называемые «национальные окраины Сибири» [17]. Всего получилось восемь групп:

- 1) Лидирующие аграрные регионы Юга и Черноземья – Белгородская, Липецкая области, Ставропольский край, Карачаево-Черкесская Республика,
- 2) Периферийные аграрные (нечерноземные и сухостепные) регионы – Псковская, Новгородская, Смоленская, Тверская, Ярославская, Костромская, Волгоградская, Астраханская, Саратовская, Оренбургская, Челябинская, Свердловская, Курганская, Омская, Новосибирская, Кемеровская области, Пермский и Алтайский край,
- 3) Неаграрные северные и сибирские регионы – Мурманская, Архангельская, Вологодская, Кировская, Тюменская, Томская, Иркутская, Амурская, Сахалинская области, Республики Карелия, Саха (Якутия), Алтай, Тыва, Хакасия, Бурятия, Забайкальский, Камчатский, Хабаровский и Приморский край, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономный округ, а также Республика Калмыкия,
- 4) Черноземные аграрные регионы – Тульская, Курская, Воронежская, Тамбовская, Самарская, Ростовская, Калининградская области, Республика Мордовия, Татарстан и Удмуртия, а также Калининградская область,
- 5) Аграрные регионы Северного Кавказа – Республики Адыгея, Кабардино-Балкария, Северная Осетия-Алания и Дагестан, а также Московская область и Краснодарский край,

- 6) Специфический аграрный регион – Республика Чувашия,
- 7) Специфические сельские регионы – Чеченская Республика и Ингушетия,
- 8) Неаграрные регионы Центра – Калужская, Орловская, Брянская, Рязанская, Владимирская, Ивановская, Нижегородская, Пензенская, Ульяновская области, Республика Марий-Эл, а также Республика Башкортостан.

Однако данный подход оказался слишком формальным и эклектичным – привел к соединению в одной группе регионов, существенно различающихся по аграрному профилю и социально-экономическим характеристикам, поэтому более обоснованы продолжающиеся исследования поляризации социально-экономического пространства сельской России, которые проводятся в Институте географии РАН под руководством Т.Г. Нефедовой. Последнее исследование в этом направлении выполнено в Ярославской области как «староосвоенном» регионе, модернизация которого сопровождается сжатием освоенного пространства, концентрацией населения вблизи промышленного центра и в ряде региональных центров [18]. Анализ, выполненный с привлечением статистического материала за значительный период времени (с конца XIX века), позволил сделать вывод о волнообразном характере процессов поляризации и сжатия на сельских территориях. Факторами, сглаживающими процесс сжатия, выступают развитие сельского туризма, характерное для староосвоенных территорий, обладающих значительным культурным и историческим потенциалом, и развитие дачного сезонного освоения, которое в условиях пандемии может превратиться в круглогодичное.

2. Оценка форм и видов социально-экономической дифференциации сельских сообществ на примере отобранных регионов-кейсов

Отбор регионов-кейсов для проведения полевых исследований по вопросам социально-экономической дифференциации – сложная задача, потому что неизбежно возникает вопрос о критериях отбора. Наши западные коллеги [см., напр.: 19; 20] предпочитают использовать в качестве таких критериев объективные особенности земельного вопроса и экологически-климатических процессов, а также соответствующие дискурсы, которые определяют мотивы, объемы и практики инвестирования в сельскохозяйственные земли и районы. Как правило, зарубежные инвесторы в сельскохозяйственные земли черноземных регионов России (и других стран СНГ, в частности Украины) делали акцент на плодородии почв, но упускали из виду климатические факторы: в результате, ориентируясь на плодородные земли, они часто недооценивают местный климат, который оказывает колоссальное влияние на жизнеспособность хозяйств и окружающую среду (аналогичные проблемы характерны и для других регионов мира, например, для северной Африки). Так, начиная с середины 2000-х годов, на обширные пространства чернозема на юге России и большей части Украины, в эту житницу бывшего Советского Союза, пошла лавина земельных инвестиций в рамках глобальной «земельной лихорадки», где инвесторы обнаружили «миллион гектар ультра-плодородной сельскохозяйственной земли», «лучшие в мире почвы», но результаты ведения иностранными инвесторами сельского хозяйства оказались значительно хуже ожиданий [см., напр.: 21; 22; 23], поскольку они не учли такие важные аспекты организации аграрного производства, как изношенная сельская инфраструктура, изменчивая погода, истощенный социальный и человеческий капитал сельских территорий, сложные условия кредитования и пр. Конечно, компании признавали, что «неблагоприятные или неожиданные погодные условия» могут представлять существенный риск, и что вегетационный период в России и на Украине довольно короток³, но обычно подобные высказывания были просто шаблонно-самоочевидной пунктом инвестиционных планов или раздела об оценке рисков в корпоративных документах, где основное внимание уделялось не климатическим, а политическим рискам.

³ См., напр.: Invitation to subscribe for depository receipts in Black Earth Farming LTD // URL: https://files.shareholder.com/downloads/ABEA-4N3O94/3863033178x0x518759/CFB7FA53-345F-4F98-AD65-ACA361379E5F/BEF_Int_ProspectusNon_US.pdf; Company description in connection with the admission to trading on First North // URL: https://www.trigonagri.com/wpcontent/uploads/2011/07/Trigon_Agri_Company_Description_2007.pdf.

На основе такого подхода зарубежные исследователи рассматривают в качестве региона-кейса своего рода макрорегион-макро-кейс, например, черноземную зону России и Украины по той причине, что агроэкологические условия здесь схожи, поэтому границы объекта исследования проводятся по природным условиям, нежели по границам (хотя отмечается и то, что благодаря общей истории – как в имперский, так и в советский периоды – две страны имеют много схожих черт, в том числе аналогичные тенденции аграрного развития в постсоветский период (скажем, формирование агрохолдингов, контролирующих огромные земельные площади, – несмотря на различия в характере и скорости аграрных реформ и формировании рынка земли) [см., напр.: 21]. Причем такой макро-социологический замах не означает, что исследователи работают с «большими данными» и статистической информацией – в основе проектов могут лежать полуформализованные, нарративные и глубинные интервью с иностранными и местными земельными инвесторами, с российскими и зарубежными сельскими предпринимателями, с коренными жителями сельских поселений и прибывшими сюда трудовыми мигрантами и т.д., которые, как правило, дополняются методом наблюдения в формате посещения сельскохозяйственных предприятий и сельских поселений. Вот пример высказывания одного из зарубежных инвесторов: *«Большая часть удобрений вносится в снег или мерзлую почву... Только в это время можно ездить; как только снег растает, поля станут непроходимыми на несколько недель! К тому времени, когда ездить станет можно, будет уже поздно вносить азот, иначе станет слишком сухо, чтобы от него была какая-то польза!»*. Другой инвестор подчеркнул: *«У вас может быть лучшая почва в мире, но если температура подскакивает выше 35 градусов, а температура почвы доходит до 60 градусов, и у вас не будет дождей 4-5 недель подряд, это убьет ваш урожай»*.

Предлагаемый во многих западных работах подход – отбор макро-кейсов – представляется нам неподходящим для изучения российской сельско-территориальной и аграрно-хозяйственной проблематики, однако не менее спорен и встречающийся в российских источниках не вполне обоснованный отбор своего рода микро-кейсов. В последние десятилетия возможность построения некоей системной типологии российских сельских территорий рассматривается в экономических и социологических работах. Как правило, они фокусируются на сценариях развития сельских районов, институциональных ловушках и транзакционных издержках многочисленных попыток решить «земельный вопрос», объективных противоречиях постсоветского аграрного реформирования, стратегиях возрождения сельской периферии, соотношении формальных и неформальных социально-экономических

практик, взаимосвязанных тенденциях раскрестьянивания и окрестьянивания, централизации и разгосударствления, холдингизации и обезземеливания, глобализации и глокализации, исторических и современных проектах аграрного и сельского развития и т.д. Неизменным рефреном подобных работ (даже самых оптимистичных) выступает констатация сжигания российского сельского пространства (что подтверждается сокращением доли сельских жителей, прежде всего, вследствие миграционного оттока молодежи), сокращения набора и объемов традиционных видов аграрной занятости, истощения человеческого и социального капитала сельских территорий, консервации здесь объективной и субкультурной бедности и других негативных тенденций, не позволяющих сельским поселениям преодолеть разрыв в уровне и качестве жизни с городами. Резкая социально-экономическая дифференциация – отличительная черта российского общества в целом, но наиболее выпукло она просматривается при сравнении жизненных практик и возможностей городского и сельского населения (например, в Норвегии нет столь резкого разрыва, и, как утверждают наши норвежские коллеги, даже в самых периферийно-сельских районах там можно жить, располагая всеми благами современной городской цивилизации).

Например, книга «Зачарованное место» [24] предлагает взглянуть на современных жителей российских сел с применением иной исследовательской «оптики» к проблемам внутрироссийской поселенчески-пространственной дифференциации – с позиций медиапотребления и медиаграмотности. Кейс-стади – традиционная тактика качественного подхода [см., напр.: 25; 26], но отбор кейсов должен быть более четко обоснован с точки зрения «типичности», чем «разные населенные пункты, расположенные в разных частях страны», «национальные (Татарстан) и иные регионы (Ростовская, Костромская, Иркутская области)», «вымирающие северные и вполне себе населенные южные», «традиционный колхозно-крестьянский образ жизни, ориентированный на основную долю занятых в сфере промышленности и населенный пункт, тесно связанный с лесозаготовками». Тем не менее, микро-кейсовый подход авторов монографии позволяет зафиксировать ключевые характеристики медиасферы и медиапотребления в российской сельской местности.

Авторы уверенно связывают разного рода неорганизованности социальной жизни на селе с современными формами медиаграмотности и медиапотребления, но при этом семья остается основной формой жизнедеятельности человека в сельской местности. Правда, сегодня семья стала менее привязана к территории проживания – благодаря современным технологиям может быть «масштабирована» на огромные пространства России. Люди используют смартфоны и компьютеры с выходом в Интернет или просто сотовые телефоны

как форму связи с родственниками по всей стране (иногда даже по всему миру). Они обмениваются новостями, историями и фотографиями о разных видах своих практик, что позволяет говорить о сохранении сельской культуры через такое общение. Сельские жители, не находя «себя» в медиапространстве, переходят в пространство виртуального соприкосновения с близкими людьми. Для людей среднего и старшего возраста возможность поддерживать общение с родственниками, детьми и внуками стала главной причиной, чтобы пользоваться современными технологиями (смартфоны, сотовые телефоны и компьютеры). А для молодых людей, которые уезжают на заработки или учебу, это единственный способ поддерживать связь с родными местами и родителями, сохраняя связь с сельско-крестьянской культурой. При высоком уровне дезинтеграции сельских сообществ все же встречаются отдельные формы самоорганизации на селе, в которых использование современных способов связи играет важнейшую роль.

Таким образом, в полевых исследованиях мы можем опираться на рассмотрение как макро-кейсов, так и микро-кейсов. В первом случае речь может идти, например, об особенностях социально-экономической дифференциации в сельском Китае. Анализ факторов развития сельских районов в процессе экономических и социальных преобразований в Китае имеет важное значение для понимания процесса развития села и сельских территорий в принципе, причем не только в тех странах, которые переживают стремительную индустриализацию и урбанизацию. Поэтому социально-экономические процессы, происходящие в последние десятилетия в Китае, находятся в фокусе внимания многих исследователей, как в самом Китае, так и за его пределами [см., напр.: 27; 28; 29].

В Китае принят апофатический подход к определению сельских районов, т.е. сельская местность – это все, что не город или, если дать более развернутое определение, сельская местность – это пространственно-территориальная система, которая включает в себя все районы, кроме городских [30]. Региональная дифференциация сельских районов на восточном побережье Китая ярко проявилась вследствие влияния географических, экономических, исторических, культурных, и инфраструктурных факторов. Развитие сельских районов можно рассматривать с разных точек зрения, включая политические, экономические, социальные, культурные и экологические [см., напр.: 31]. В ходе реформ, начавшихся в 1978 году, восточное побережье Китая вследствие своего выгодного географического и экономического расположения подверглось наиболее быстрой индустриализации и урбанизации. Но и в этих прибрежных регионах почти половина населения по-прежнему живет в сельских районах, где индустриализация и урбанизация проявились в разной степени и даже почти не заметны. В восточных прибрежных регионах Китая можно встретить как

высокоразвитые деревни, так и очень бедные деревушки (в основном расположенные в отдаленных и горных районах), и эту картину можно считать миниатюрной моделью развития сельских территорий страны в целом.

В то время у сельского населения Китая не было другого выбора, кроме как работать в коллективном хозяйстве (где материальные стимулы к труду были весьма слабыми), а продукция более или менее равномерно распределялась между всеми членами общества. В настоящее время во многих исследованиях показано, что настойчивое стремление Мао Цзэдуна к коллективизации сельского хозяйства в 1950-х годы стало причиной стагнации сельского хозяйства на протяжении не менее двух десятилетий [32]. Экономические реформы 1978 года были направлены на замену экономической системы, базировавшейся на централизованном планировании и на создание рыночной экономики, а в сельской местности – на замену чисто аграрной экономики системой, сочетающей аграрное производство и промышленность, преимущественно мелкую. В ходе аграрной реформы в 1978-1982 годы была внедрена «система семейной ответственности», похожая на развитие фермерства в нашей стране, в рамках которой крестьяне сами решали, каким образом вести хозяйство, что стало стимулом для развития крестьянских хозяйств и способствовало росту объема производства продовольствия. Также был дан зеленый свет развитию малого сельского предпринимательства, и этот шаг оценивается как один из главных успехов реформ в Китае [33; 34]. Благодаря этому вырос уровень доходов и занятости в сельской местности на основе более полного использования местных ресурсов, объединения финансов крестьянских хозяйств, использования традиционных ремесел и навыков ремесленничества в принципе. Однако быстрое развитие малого предпринимательства на селе сопровождалось и проблемами, такими как дефицит сырья, энергии и капитала из-за слишком быстрых темпов роста числа предприятий, а также ухудшением качества окружающей среды вследствие отсутствия системы очистки загрязненной воды, выбросов в атмосферу и обезвреживания отходов.

В процессе урбанизации сельское население все больше маргинализируется, а природная среда все больше разрушается [35] – это происходит и в Китае, где индустриализация и урбанизация быстро меняют облик сельских районов, что подтверждается значительными темпами развития жилищного строительства на селе, миграцией из сельских районов в города, переводом сельскохозяйственных земель в несельскохозяйственные, ростом разницы в доходах между сельскими и городскими домохозяйствами и неравномерным развитием сельских районов. Китайские исследователи указывают на три противоречия в эконо-

мической динамике [36], характеризующие развитие сельской местности в Китае: урбанизация происходит очень быстро, но при этом охватывает далеко не все стороны жизни, и потому является неполной; наблюдается массовый и устойчивый отток мигрантов из сельских районов в города, но основная масса сельских мигрантов не становится горожанами; города расширяются за счет обширных сельских пространств, которые после вхождения в состав городов сохраняют все черты «сельскости». Таким образом, в результате индустриализации и урбанизации сельские ландшафты постепенно обретают облик городских, но их функционирование, экология и пространственная структура отличаются от города.

Сочетание факторов притяжения городов и факторов, выталкивающих из деревень, способствует индустриализации и урбанизации, что, в свою очередь, стимулирует развитие пригородных сельских районов. Как правило, уровень промышленного развития определяет уровень экономического развития и занятости в той или иной области. В развивающихся странах разделение труда на промышленный и сельскохозяйственный в сельских районах происходит под влиянием следующих факторов: процесс разделения труда носит незавершенный характер, что проявляется в частичной занятости крестьян в промышленности или в сочетании сельскохозяйственных и промышленных источников дохода в крестьянских домохозяйствах; процесс разделения труда в сельской местности тесно связан с уровнем экономического и промышленного развития ближайших городов; степень разделения труда в сельской местности напрямую зависит от связей сельских территорий с внешним миром; как правило, разделение труда в сельской местности начинается с простых процессов и трудоемких отраслей, а затем распространяется на другие производства, требующие более высокой квалификации рабочей силы; препятствия на пути межрегиональных потоков движения товаров и услуг сдерживают развитие разделения труда в сельской местности [37]. Все это укладывается в концепцию село-городского континуума, которая предложила скользящую шкалу, а не резкую градацию между полюсами села и города, поэтому, оценивая развитие сельских территорий, необходимо анализировать их взаимодействие с городами.

В 1999 году китайские исследователи разработали типологию сельских районов, в основу которой, следуя марксистской доктрине, были положены «производственные отношения» [38]. Сельские районы были разделены на четыре группы: районы с преобладанием частной промышленности, районы с преобладанием коллективных хозяйств, районы с преобладанием иностранной собственности и сельскохозяйственные районы с отсутствием промышленности. До начала экономических реформ все сельские районы развивались срав-

нительно равномерно. Реформы, продолжающиеся уже четыре десятилетия, создали предпосылки для их дифференциации, особенно на восточном побережье. Исходные различия в развитии сельских районов и некоторая дифференциация по степени развития промышленности усилилась быстрой индустриализацией и урбанизацией макрорегиона, а также внедрением передовых технологий и иностранными инвестициями.

Реформы в целом привели к значительному росту производства сельскохозяйственной продукции, что позволило более чем на 70% обеспечить продовольственную безопасность по ряду продуктов, возрос уровень механизации производства и мелиорации сельскохозяйственных земель, изменилась структура отраслей сельского хозяйства и выросла доля животноводства, увеличилась экспортная ориентация отраслей сельского хозяйства, в структуре форм производства более мелкие формы были вытеснены крупными фермерскими хозяйствами. В сельской местности стали развиваться новые виды деятельности, такие как сельский туризм, в сельскую местность проник Интернет. Все это сказалось на уровне доходов сельского населения, которые росли более быстрыми темпами, чем в городах, и значительно увеличились [39].

В 2009 году группа китайских ученых предложила типологию сельских районов по производственному признаку [40]. Как правило, сельские районы, близкие к городской агломерации, имеют очевидные преимущества для развития обрабатывающей промышленности, а отдаленные и горные районы могут сосредоточиться на развитии сельского хозяйства или туризма. Конечно, есть и сельские районы, не имеющие очевидных сравнительных преимуществ. Для типологии были выбраны районы восточного побережья Китая. Этот географический макрорегион включает 10 провинций: Пекин, Тяньцзинь, Хэбэй, Шаньдун, Шанхай, Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь, Гуандун и Хайнань. Население макрорегиона составляет 469 млн человек, плотность населения чрезвычайно высока (512 человек на кв. км, что превышает среднюю плотность населения в 137 человек).

Вторая типологизация сельских районов восточного побережья Китая была проведена на основе данных национальной статистики, характеризующих соотношение отраслей первого, второго и третьего секторов экономики: был разработан «индекс сельскости», который основан на показателях производства (показатели социального положения и развития инфраструктуры не учитывались). Идея индекса исходит из функций села по отношению к обществу. Основными факторами, влияющими на долгосрочное развитие сельских районов и выполнение ими общественных функций, являются: объем производства продовольствия и сельскохозяйственного сырья; изменение численности сельского населения;

уровень экономического развития сельских районов; и рациональная пространственная организация труда сельского населения.

Данная типология показала, что 57,6% территории восточного побережья Китая занято сельскими районами, которые следует отнести к смешанному типу, 18,6% – районами с преобладанием сельского хозяйства, 12% – с преобладанием сферы услуг – и 11,8% – с преобладанием несельскохозяйственных промышленных предприятий, и в каждой группе имеются районы с разной степенью «сельскости». Следует заметить, что «сельскость» варьирует даже в одном и том же типе районов из-за различий в региональных географических условиях и уровне социально-экономического развития. Как правило, последствия социально-экономических изменений на селе отражаются в первую очередь на стоимости обрабатываемых земель, занятости сельского населения и производительности труда.

Формы и виды социально-экономической дифференциации сельских сообществ в формате микро-кейсов мы исследовали в четырех федеральных округах Российской Федерации: Северо-Западном, Центральном, Поволжском и Южном. Полевые исследования проводились с учетом конкретных региональных особенностей развития сельских поселений: особенности поляризации постсоветского сельско-городского пространства, сочетание сельско-лесной занятости в Нечерноземье, специфичные формы лесных поселков в Северном Нечерноземье, труднодоступность и изолированность отдельных сельских сообществ, сельско-городская трансформация поселков городского типа, специфика так называемых «несуществующих» сельских населенных пунктов, и особенности попыток создания принципиально новых футуристических сельских поселений, развивающихся парадоксально противоположным образом идеи еще хрущевских агрогородов.

Выводы нашего исследования подтверждаются результатами экономико-географических наблюдений трансформации сельских регионов Ярославской области Т.Г. Нефедовой [41]. И ее исследование показало, что постсоветское частичное восстановление аграрной сферы Нечерноземья базировалось на реконструкции индустриального сельскохозяйственного производства с доминированием агрохолдингов не только в Черноземье, но и в Нечерноземье. При этом продолжается забрасывание значительных территорий сельскохозяйственных угодий; сельскохозяйственный рост был отчасти присущ районам, обеспеченным природными и трудовыми ресурсами, расположенными поближе к потребителю, – все это демонстрирует трансформацию эволюции сельских поселений между полюсами «юг-север» и «периферия-пригород». Экспансия крупномасштабной вертикальной интеграции в сельском хозяйстве способствует быстрому решению задач продовольственного обеспе-

чения населения, прежде всего в городах, но при этом еще сильнее поляризует конфигурацию сельских поселений, фрагментируя и разобщая сельские сообщества, усиливая миграцию селян из депрессивных сельских мест Нечерноземья в города. По нашим наблюдениям, отдельные оазисы относительного аграрного роста и сельского благополучия в Ростовском районе по-прежнему сопровождаются расширением депрессивности и архаизацией сельской местности, сохранением достаточно высокой безработицы. В этих условиях не наблюдается серьезной мобилизации активности малых форм товарных хозяйств. По-прежнему дефицитным фактором как в крупном, так и в малом агропроизводстве Ростовского района и многих других сельских районов Нечерноземья остается человеческий капитал. Местное население пытается адаптироваться к безработице через неформальную экономическую активность, включая отходничество и натуральное хозяйство. «Дачные» экономические и историко-культурные тренды отчасти задерживают деградацию сельских поселений древней Ростовской земли, но они не в состоянии коренным образом переломить ее депрессивное сельское состояние.

В более лесных регионах Северного Нечерноземья был зафиксирован на примерах ряда сельских поселений Няндомского и Каргопольского районов Архангельской области, а также Семеновского района Нижегородской области достаточно характерный для этой сельской местности тип симбиотически ориентированных сельских поселений с сочетанием сельскохозяйственной и лесной занятости. Подобного рода аграрно-лесной симбиоз способствует выживанию и иногда устойчивому развитию сельских населенных пунктов Северного Нечерноземья.

Например, на озере Моша Няндомского района в 1990-е годы совхоз рухнул, а в 2003 его возглавил конкурсный управляющий, который, преодолев последствия банкротства, добился устойчиво положительных результатов. Сегодня его предприятие трансформировалось в эффективную агрофирму, которая хотя и стала по площади обрабатываемых земель в пять раз меньше бывшего совхоза, но занимается выращиванием овощей, расширяет молочное животноводство, использует окрестные леса для собственной лесопереработки. Основной доход здесь, как и в исследованном нами случае Нижегородской области, приносит лесное хозяйство, а сельским хозяйством агрокомпания занимается благодаря дотациям. Так, комбинируя доход от продажи леса с дотациями на молочное животноводство, предприятие функционирует достаточно успешно. Работают в нем 30 человек, которые ухаживают за 600 головами скота и обрабатывают несколько сотен гектаров земли. Как заявил директор предприятия: *«Очень важно, когда руководитель предприятия (независимо от*

того, чем оно занимается – лесом или сельским хозяйством), несет социальную ответственность за локальное сообщество. Благодаря таким хозяйствам, как наше, местные поселения не приходят в упадок». Ему вторит почти теми же словами руководитель сельско-лесного агрохолдинга «Керженецкие просторы» Нижегородской области: «Изначально мы занимались только лесом, но потом, прежде всего чтобы препятствовать окончательному исчезновению сельскохозяйственной занятости на наших территориях, последние семь лет мы последовательно развиваем аграрное производство благодаря некоторым дотациям государства. В результате села Семеновского района продолжают жить и работать».

Аналогичные примеры относительно успешного развития сельско-аграрных селений Северного Нечерноземья мы обнаруживаем в исследовании К.В. Аверкиевой [42] многоукладной экономики тарногских сельских поселений Вологодской области, которое находится в некотором противоречии центрально-периферийной концепции Т.Г. Нефедовой. Здесь наблюдаются низкие на фоне других регионов Нечерноземья темпы убыли населения, с одной стороны, и достаточно стабильное экономическое развитие, с другой. Тарногские сельские поселения успешно развивают формы лесной переработки вплоть до производства различного ассортимента мебели. При этом 10 тарногских сельскохозяйственных предприятий и местный молокозавод стабильно расширяют масштабы производства, являясь приятным исключением из печальных правил в целом депрессивного состояния северного Нечерноземья. Эти успехи сельско-лесного симбиоза заключаются в продуманных мерах районной власти в лесной и сельской сфере района, а также в сохранившемся человеческом и социальном капитале местных сельских поселений. «Долговременная территориальная изоляция в сочетании с продолжительной историей хозяйственного освоения территории (староосвоенности) сформировали жизнеспособную в современных условиях социально-экономическую систему» [42, с. 103]. Как и в нашем исследовании, в работе Аверкиевой следует подчеркнуть стабилизирующее воздействие на формирование и сохранение местных социальных связей влияние «кустовых» или «гнездовых» форм сельского расселения, в которых поселения конфигурируются своеобразными «кустами», по 10–15 мелких деревень, находящихся в пешеходной доступности друг от друга, а сами «кусты» располагаются достаточно изолированно внутри обширных лесных и водных пространств.

Здесь же, в Северном Нечерноземье мы исследовали иную, специфическую форму сельских поселений – не староосвоенную, но достаточно молодую. Это так называемые «лесные поселки», которые, в отличие от рассмотренного выше многоукладных сельско-лесных симбиотических форм, представляют собой довольно однородные, исключительно

на лесное производство ориентированные селения. В постсоветский период такие формы в большинстве своем оказались в состоянии затяжного и глубокого социально-экономического кризиса. Наше исследование проходило в поселке Заозерный Няндомского района Архангельской области. В советское время, основанный в начале 1970-х годов Заозерный достаточно динамично развивался, в нем было построено две улицы двухэтажных домов для работников местного леспромхоза, ставшего местным градообразующим предприятием. Но уже к концу 1990-х годов местный леспромхоз оказался в состоянии банкротства. Его имущество и производственные мощности были приватизированы несколькими малыми лесопильными частными предприятиями, что привело к росту безработицы и разрушению социальной инфраструктуры Заозерного. На его территории в начале 2000-х годов оказались закрытыми ФАП и школа. Многие жители поселка уехали, а оставшиеся обратились к практикам отходничества или сезонного сбора дикоросов. Заозерный являет собой довольно типичный случай трансформации большинства бывших советских лесных поселков как центров леспромхозов, лесопунктов, лесоучастков – особых форм сельского расселения в регионах Северного Нечерноземья [43].

Это судьба не только исключительно российских лесных поселков. От бурного роста до стремительного упадка – таковой оказалась история многих монофункциональных лесных поселков северных регионов Скандинавии и Северной Америки. Но в этих странах этот преимущественно лесотехнологический кризис не совпал по времени, как в России, с общим постсоветским кризисом экономики. Ведь к концу 1990-х годов социально-экономический кризис в России сопровождался институциональными и технологическими реформами лесных отраслей, частым истощением продуктивности доступных лесосек, обветшанием зданий и инженерных инфраструктур в лесных поселениях. А в 2000-е годы началась новая волна лесотехнологической революции, приведшая к многократному сокращению кадров лесозаготовителей и лесопереработчиков, еще более трансформирующая территориальную организацию оставшихся лесопоселков. Они к настоящему времени, в зависимости от своего географического положения и ряда других факторов, потеряли от 10% до 80% населения относительно начала 1990-х годов. С точки зрения локальной центрo-периферийности лучше дела обстоят у тех лесных поселков, которые располагаются поближе к районным центрам, хуже ситуация, как правило, на районных перифериях.

Еще более маргинальные и проблематичные формы для сельского развития представляют собой не просто находящиеся на периферии, но основательно изолированные от «большого мира» суровыми природными условиями в труднодоступной местности разно-

образные по своей экономической специализации сельские поселения. Ведь в северных регионах России расположено значительное число сельских населенных пунктов, транспортное сообщение которых с внешним миром затруднено и порой фактически отсутствует, поэтому многие поселения оказываются в основательной изоляции: «Обусловлена такая ситуация, с одной стороны, сжатием в провинции системы общественного транспорта, а, с другой стороны, моноцентричностью организации дорожной сети как на уровне страны в целом, так и на уровне регионов и районов. Существующие описания социальной структуры современной российской северной деревни сделаны преимущественно по результатам обследований обычных, неизолированных населенных пунктов» [44].

Мы исследовали одно такое поселение в Архангельской области, Шалакаушском районе – деревня Ступинская. В деревне проживает на 2020 год около 200 жителей. Деревня расположена в 140 километрах от ближайшей железнодорожной станции и в 210 км от райцентра. Три четверти ее дороги представляет собой лесная грунтовка, которая на полгода раскисает зимой и весной, так что в это время по ней могут проехать только трактора и мощные полноприводные автомашины. В советское время в Ступинской существовал отдельный колхоз, который пришел в полный упадок в конце 1990-х годов. Но уроженец Ступинской, сын бывшего председателя колхоза, вернувшись к руководству сельхозартелию Ступинская в начале 2000-х годов, сумел сплотить местное сообщество вокруг традиционных ценностей изолированного образа жизни, ориентировал его на работу сохраняющихся и развивающихся местных ступинских молочных ферм с непременным сохранением и занятости в местных лесных промыслах. В результате Ступинская, являясь одним из самых отдаленных и труднодоступных поселений Архангельской области по показателям экономического и социального развития, находится среди архангельских сельских лидеров, а руководитель ее был избран в законодательное собрание области. Этот пример показывает, что некоторые сельские северные сообщества, находясь с точки зрения формальной логики в невыгодном экономико-географическом положении, тем не менее, оказываются более устойчивыми в сравнении с сельскими населенными пунктами, расположенными в более выгодных транспортных и природно-экономических условиях.

Наши результаты подкрепляются данными специального исследования А.А. Позаненко – ряда труднодоступных населенных пунктов в северных регионах европейской части России. Он убедительно продемонстрировал, что подобного рода сообщества по своей социальной структуре и мотивациям деятельности сильно отличаются от обычных селений Нечерноземья. Демографические характеристики изолированных сообществ часто оказы-

ваются идентичными обыкновенным сельским сообществам, а иногда в основательной изоляции возможно обнаружить достаточно высокую долю молодых и детских слоев населения. Жители труднодоступных селений характеризуются особым образом жизни, в том числе, способами добывания средств к существованию, экологическими ориентирами и организацией местного хозяйства. «Изоляция обеспечивает местному населению ряд преимуществ, основным из которых можно считать отсутствие взаимодействия с контролирующими и опекающими органами власти. Отсутствие контроля позволяет жителям пользоваться наиболее доступными, эффективными и благоприятными для себя и сообщества способами получения средств к существованию, преимущественно теневыми и ориентированными на присвоение природных ресурсов; отсутствие помощи, в свою очередь, стимулирует взаимную поддержку и самоорганизацию, что позволяет оперативно и успешно решать частные и общие вопросы. Эти преимущества положительно влияют на самодостаточность и жизнеспособность труднодоступных сообществ» [44, с. 41].

Противоположную приведенному примеру форму удаленно периферийных сельских поселений являют собой так называемые официально «несуществующие» населенные пункты, а также населенные пункты без сельских жителей. В ходе нашего путешествия по Архангельской области нам удалось обнаружить десятки такого рода поселенческих примеров. Вокруг одного только озера Моша Няндомского района такого рода поселений из 73 оказалось 28. Как остроумно отмечают М.С. Савоскул и А.И. Алексеев, «в последние годы в литературе обсуждается такой феномен как, населенные пункты (НП) без населения. Но оказывается, что существует и обратный феномен – население без населенного пункта, точнее – население без официально учтенного НП, когда на территории, которая по статистике – «пустое место», находится реальная деревня» [45, с. 56]. Авторы на примере поселения на побережье Мурманской области продемонстрировали, как особое взаимодействие горожан с сельской местностью не дает возможности исчезнуть населенному пункту, который по давнишним историко-культурным причинам может иметь особую яркую идентичность. В этом случае проявляется феномен «сельско-городского сообщества без сельского населения», когда все его представители – это, как правило, горожане зарегистрированные, проживающие, работающие в городской среде, но «сельскость» этой общности проявляется в том, что ее ядром, вокруг которого все участники объединяются, являются «бывший сельский населенный пункт» и ментальность участников этого сообщества, для многих из которых негородской образ жизни становится более привлекательным» [45, с. 65].

Новые поколенческие, гендерные, трудовые, рекреационные и экологические аспекты сельского расселения определяют и создание возможных новых типологий сельских

сообществ. Соотношение численности сельского населения и производства основных видов аграрной продукции является в целом обратно пропорциональным. Сельское население неуклонно сокращается, а производство важнейших видов аграрной продукции возрастает. Все это в современных рыночных условиях сопровождается усиливающейся дифференциацией сельских предприятий и, соответственно, сельских территорий. В нечерноземных регионах в целом произошло сильное сокращение сельскохозяйственного производства, хотя из-за преобладания здесь животноводческой (достаточно трудоемкой) специализации падение занятости происходило все же не так быстро, как в черноземных регионах, обнаруживших усиление специализации сельскохозяйственного производства на рыночно выгодных зерновых, технических и масличных культурах, сопровождаемой ускоренной модернизацией, упраздняющих огромное число бывших работников колхозов и совхозов. И часто при этом аграрная занятость перестает быть основой существования сельских жителей, но ведь сама сельская местность при этом так и остается инерционно мало изменяемой.

В обобщенном виде структурируя основные виды и формы сельских сообществ в их сочетании с различными направлениями поляризации и дифференциации природных и социальных пространств, видов агропредприятий, сельскохозяйственных и несельскохозяйственных отраслей, моно- и поли- национальных регионов мы можем предложить следующую типологию дифференциации форм сельских сообществ современной России (таблица 4)

Таблица 4

Виды дифференциации сельских сообществ/поселений

Виды дифференциаций	Природная поляризация		Социально-пространственная поляризация		Дифференциация агропредприятий		Несельско-хозяйственная специализация		Национальная специфика	
	Север	Юг	Центр	Периферия	Малые	Крупные	Сервис, услуги	Рекреация, промыслы	Моно-регионы	Поли-регионы
Старо-освоенные поселения										
Поселки городского типа										
Лесные поселки										
Сезонно обитаемые поселки										
Дачные поселки										
Эко-поселения										
Коттеджные поселения										

Заключение

Российское сельское население имеет мощную историко-культурную традицию вос-производства в своей среде базового среднего социального слоя – основы выживания и развития сельской жизни в целом. Но именно на долю этого среднего слоя сельских жителей доставались серьезные политические и экономические испытания, которые не дают сформироваться реальному сельскому среднему классу. И раньше, и теперь жители села редко употребляют понятие «средний класс», предпочитая прокладывать путь к золотой середине достойной жизни в собственных терминах – «крестьяне-середняки», «простые советские люди» или «просто средние люди». Для успешного развития сельских слоев важны не только соответствующие показатели респектабельного среднего достатка большинства сельских семей, но также желание, воля, умение сельского населения объединяться для защиты своих локальных интересов перед глобальной экспансией волюнтаристского государства и спекулятивного рынка.

К сожалению, успешному развитию сельских слоев мешают продолжающиеся с советского и постсоветского периодов процессы, которые можно назвать «дисперсным лишением прав» (результат затяжных процессов девальвации и дезинтеграции, обусловленных, в частности, структурными кризисами в сельской экономике, а также отсутствием или недостатком инвестиций) и «сохранением “пограничных” земель» (земельных участков, для которых характерны нестабильные и запутанные отношения владения и пользования, вследствие чего высока угроза их забрасывания – отказа вести на них сельскохозяйственную деятельность – и определенных форм их (незаконного) присвоения) [19; 20]. «Дисперсное лишение прав» порождает неблагоприятные условия хозяйствования и жизнедеятельности для сельских сообществ, а также создает предпосылки для присвоения ресурсов сельских территорий государственными и частными субъектами. Понятие «дисперсного лишения прав» в большей степени, чем понятие «земельные захваты», подходит для того, чтобы сосредоточиться на изучении зависимости сельского населения от поддерживающих его институтов и инфраструктуры вместо того, чтобы анализировать причины, факторы и последствия богатого событиями процесса изъятия сельскохозяйственных угодий из пользования сельских сообществ.

Безусловно, следует развести законные и незаконные виды дисперсного лишения прав, потому что иначе будет сложно описывать, например, тенденции холдингизации в российском сельском хозяйстве – где агрохолдинги незаконно получили права собственно-

сти на землю, а где нарушили права и ожидания сельских жителей, но все же в рамках законной коммерческой сделки. Тем не менее, в современном мире земельный вопрос обретает новое звучание, а борьба за землю – все новые изощренные формы, что требует от исследователей разработки как новых методик эмпирических исследований, так и новых концептуальных моделей, чтобы понимать, как земельные отношения влияют на сельские сообщества – способствуя или сохранению их человеческого и социального капитала, или их окончательному распаду.

В этих условиях особенно важна комплексная государственная поддержка опорных фермеров, агропредприятий, организаций и учреждений, которые фактически являются связующими звеньями, интеграторами сельской социально-экономической дифференции в интересах сельского развития страны в целом. Идеи опорного фермерства, возникшие в станице Должанская Краснодарского края, следует внедрять и распространять не только на Кубани, но и в других регионах Российской Федерации. Это ценный опыт, который мог бы взаимовыгодно интегрировать личные подсобные хозяйства вокруг опорных фермеров – тем самым либо противостоя разрушающему сельское сообщество влиянию агрохолдингов, либо, напротив, консолидированно выступая его партнером в вопросах аграрного производства и сельского развития, но отстаивая интересы сельских жителей и сохраняя человеческий и социальный капитал сельских территорий.

В Российской Федерации имеется достаточно аграрных предприятий, которые в духе советских колхозов выступают своего рода опорными институтами для поддержания инженерной, социальной и культурной инфраструктуры сельских сообществ. Имеет смысл разработать программу развития и поддержки не только опорных фермеров, но также опорных аграрных предприятий, возможно, даже создания особых опорных агрохолдингов в интересах сохранения сельских сообществ и развития сельских территорий. Причем к третьей категории опорных институций следует отнести и городские организации: фонды, культурные и волонтерские ассоциации, некоммерческие общественные объединения и т.д., которые с помощью грантовых проектов и волонтерских программ, реализуя, прежде всего, разнообразные просвещенческие, обучающие и культурные проекты, также могут принимать участие в регуляции процессов дифференциации сельских сообществ в интересах сельского развития.

Список использованных источников

1. Узун В.Я., Сарайкин В.А., Гатаулина Е.А. Классификация сельскохозяйственных производителей на основе данных Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года. М., 2010. Вып. 30.
2. Шмелев Г.И. Производство сельскохозяйственных продуктов населением России. М., 2002.
3. Печенкина В.В. Проблемы развития личных подсобных хозяйств населения: социологический аспект // Развитие личных подсобных хозяйств как один из механизмов повышения доходов сельского населения. М., 1999.
4. Тарасов Н., Скальная М.М. Доходы сельского населения и их регулирование. М., 2008.
5. Узун В.Я., Сарайкин В.А. Типы институциональных аграрных структур и их зонирование в России // Никоновские чтения. 2011. № 16.
6. Yanbykh R., Saraikin V., Lerman Z. Changes in Russia's agrarian structure: What can we learn from agricultural census? // Russian Journal of Economics. 2020. Vol. 6. No. 1.
7. Ковалев С.А. Развитие сельского расселения в Советском Союзе // Вопросы географии. Сб. 135: География населения и социальная география. М., 2013.
8. Ризадтинов Р.Ф. Вопросы типологий сельских регионов и сельских населенных пунктов в советской и российской аграрной науке // Векторы развития современной России / Под общ. ред. М.Г. Пугачевой. М., 2016.
9. Вихрев О.В., Ткаченко А.А., Фомкина А.А. Системы сельского расселения и их центры (на примере Тверской области) // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2016. № 2.
10. Алексеев А.И., Сафронов С.Г. Типология сельских населенных пунктов европейской части России в современной демографической и социально-экономической ситуации // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2017. № 6.
11. Нефедова Т.Г. Сельское Ставрополье глазами московского географа. Разнообразие районов на юге России. Ставрополь, 2012.
12. Бондаренко Л.В., Панков Б.П., Мерзлов А.В. и др. Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года (Проект). М., 2009.
13. Петриков А.В., Овчинцева Л.А., Нефедова Т.Г., Котомина М.А. и др. Устойчивое развитие сельских территорий: региональный аспект. М., 2009. Вып. 25.
14. Калугина З.И., Фадеева О.П., Братющенко С.В. Социально-экономическая поляризация сельского пространства России // Экономика и социология. 2015. № 3.

15. Калугина З.И., Фадеева О.П., Братющенко С.В. Социальные контрасты развития сельских регионов России // Региональная дифференциация и консолидация социального пространства России: реалии и новые вызовы. V Сухаревские чтения. М., 2015.
16. Серова Е.В., Янбых Р.Г., Наумов А.С., Рубанов И.Н. и др. О состоянии сельских территорий в Российской Федерации в 2018 году. Ежегодный доклад по результатам мониторинга / Под ред. Е.В. Серовой, Р.Г. Янбых. М., 2020. Вып. 6.
17. Презентация А.С. Наумова «Типология сельских территорий и политика сельского развития» // URL: <https://inagres.hse.ru/data/2019/10/18/1530121514/%D0%9D%D0%B0%D1%83%D0%BC%D0%BE%D0%B2%20%D0%90.%D0%A1.pdf>.
18. Аверкиева К.В., Нефедова Т.Г., Кондакова Т.Ю. Поляризация социально-экономического пространства в регионах староосвоенного Центра России: пример Ярославской области // Мир России. Социология. Этнология. 2021. Т. 30. № 1.
19. Форбруг А. Этнографии медленного насилия: исследование последствий разрушения сельской инфраструктуры // Крестьяноведение. 2020. Т. 5. № 1.
20. Форбруг А. Не только о земле и о ее захватах: дисперсное лишение прав в сельской России // Крестьяноведение. 2018. Т. 3. № 3.
21. Kuns B., Visser O., Wästfelt A. The stock market and the steppe: The challenges faced by stock-market financed, Nordic farming ventures in Russia and Ukraine // Journal of Rural Studies. 2016. Vol. 45.
22. Visser O. Running out of farmland? Investment discourses, unstable land values and the sluggishness of asset making // Agriculture and Human Values. 2017. Vol. 34. No. 1.
23. Moon D. The Plough That Broke the Steppes. Agriculture and Environment on Russia's Grasslands, 1700–1914. Oxford, 2013.
24. Зачарованное место. Медиапотребление, медиаграмотность и историческая память сельских жителей / Под ред. А.Г. Качкаевой, А.А. Новиковой. М., 2021.
25. Троцук И.В. Возможности метода кейс-стади в изучении социальных проблем села // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2007. № 4.
26. Божков О.Б., Троцук И.В. Тенденции развития сельских районов России: постановка исследовательской задачи и первые результаты повторного кейс-стади // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 4.
27. Ma L.J.C. Urban transformation in China, 1949–2000: A review and research agenda // Environment and Planning A: Economy and Space. 2002. Vol. 34. No. 9.

28. Полоник С., Смолярова М. Реформы в сельском хозяйстве Китайской Народной Республики // *Аграрная экономика*. 2018. № 1.
29. Плесский Н.С. Особенности урбанизационных и миграционных процессов современного Китая // *Известия Восточного института*. 2015 № 2.
30. Zhang X.L. On discrimination of rural definitions // *Acta Geographica Sinica*. 1998. Vol. 53. No. 4.
31. Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни: очерки теории. Новосибирск, 1991.
32. Putterman L. On the past and future of China's township and village-owned enterprises // *World Development*. 1997. Vol. 25.
33. Регзенова Д.Б.-О. Основные принципы и сущность реформ Ден Сяопина // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2010. № 6.
34. Weitzman M., Xu C. Chinese township-village enterprises as vaguely defined cooperatives
35. Gutman P. Ecosystem services: Foundations for a new rural-urban compact // *Ecological Economics*. 2007. Vol. 62. No. 3.
36. Zhang, L. Conceptualizing China's urbanization under reforms // *Habitat International*. 2008. Vol. 32. No. 4.
37. Soemarwotos O. Rural-urban relationships in Indonesia // *Habitat International*. 1976. Vol. 1. No. 3-4.
38. Unger J., Chan A. Inheritors of the boom: Private enterprise and the role of local government in a rural south China township // *China Journal*. 1999. Vol. 42.
39. Куракин А.А. Китайско-российская конференция «Сельское возрождение» // *Крестьяноведение*. 2018. Т. 3. № 2.
40. Long H., Zou J., Liu Y. Differentiation of rural development driven by industrialization and urbanization in eastern coastal China // *Habitat International*. 2009. Vol. 33.
41. Нефедова Т.Г. Развитие постсоветского аграрного сектора и поляризация сельского пространства европейской части России // *Пространственная экономика*. 2019. Т. 15. № 4.
42. Аверкиева К.В. Симбиоз сельского и лесного хозяйства на староосвоенной периферии Нечерноземья: опыт Тарногского района Вологодской области // *Крестьяноведение*. 2017. Т. 2. № 4.
43. Аверкиева К.В. Постсоветская трансформация лесных поселков на севере Нечерноземья // *Крестьяноведение*. 2021. Т. 6. № 3.

44. Позаненко А.А. «Отдельная типа республичка»: структурные особенности пространственно изолированных локальных сельских сообществ // Мир России. 2018. Т. 27. № 4.
45. Савоскул М.С., Алексеев А.И. Сельско-городские сообщества в официально несуществующем населенном пункте // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2019. № 4.

**В СЕРИИ ПРЕПРИНТОВ
РАНХиГС РАССМАТРИВАЮТСЯ
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
К СОЗДАНИЮ, АКТИВНОМУ
ИСПОЛЬЗОВАНИЮ
ВОЗМОЖНОСТЕЙ
ИННОВАЦИЙ В РАЗЛИЧНЫХ
СФЕРАХ ЭКОНОМИКИ
КАК КЛЮЧЕВОГО УСЛОВИЯ
ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ**

РАНХиГС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ